

КОНВЕРСИВЫ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

РАНУШ МАРКАРЯН

Конверсия, как явление переходности в сфере частей речи, представляет собой один из типов языковых изменений. Факт «неизменности» и устойчивости грамматического строя языка оказывается в значительной мере преувеличенным. Конверсия в системе частей речи не может не поколебать целостности и устойчивости этой системы. Речь идет о существующей объективно в языке системе частей речи, а не ее интерпретациях в науке. Что же касается научных интерпретаций этой системы, то и они оказываются далеко не одномерными. Достаточно вернуться мыслью ко всей истории учения о частях речи, чтобы убедиться в этом.

Система частей речи меняется не только от языка к языку, но и в одном языке от автора к автору и, более того, от издания к изданию. Естественно, что оценка фактов конверсии зависит от того, в какой системе, в системе каких номенклатур они рассматриваются. Сравним в плане сказанного систему частей речи русского языка в грамматической традиции, в Грамматике 70 г.¹ и в книге О. П. Сунника², имеющей типологическую направленность. Детализируем сказанное. Например, определительное местоимение *всякий* в одном из своих употреблений обнаруживает черты качества, позволяющие ему транспонироваться в систему прилагательного. Так выглядит эта конверсия в традиционной системе частей речи. Однако тот же факт имеет другое прочтение, если его рассмотреть в системе Грамматики 70 г. Слово *всякий* в силу ограничения местоименного класса только местоимением-существительным оказывается отнесенным к прилагательным. Следовательно, во всех своих значениях, и в первично местоименном, и во вторично качественном, это слово интерпретируется в рассматриваемой системе как прилагательное. II наблюдаемый переход будет оцениваться уже не как частеречная конверсия, а как переход в пределах той же части речи — из местоименного прилагательного в знаменательное.

Другой пример. В армянской классике, в системе М. Абегамяна параллелизм знаменательных частей речи — везде четырехчастное строение: *անոն գոյական, թվական գոյական, դերբայ գոյական, դերանոն գոյական* или *անոն անական, թվական անական, գերբայ անական, դերանոն*

¹ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970.

² О. П. Сунник. Общая теория частей речи, М.—Л., 1966

սմիկի и т. д. В такой системе, например, переход, связанный со словом գրիչ (пишущий — писатель), расценивался бы как переход прилагательного в существительное, тогда как в современной грамматической литературе этот переход может быть расценен как переход причастия в существительное. Наблюдаемое разночтение связано с характером системы частей речи, с теми концептуальными, методологическими основаниями, на которых строятся разные системы.

Анализ конверсии в межъязыковом сопоставлении выявляет ряд особенностей в характере конверсии, в наличии или отсутствии конверсии. Так, в армянском языке в очень заметном числе случаев прилагательные и параллельные наречия не имеют морфологического (словообразовательного) различия, ср. *սիրիչ, հիշիչի*. Соответствующие им русские атрибутивные прилагательные и наречия словообразовательно различны. Следовательно, в одном языке имеется определенный тип конверсии при отсутствии его в другом.

Процесс взаимоперехода частей речи является живым процессом и представляет собой один из способов образования слов — морфолого-синтаксический. Суть его заключается в том, что слово, сохраняя внешние морфологические признаки, относящие его к той или иной части речи, благодаря смене синтаксических функций теряет свою прежнюю частеречную принадлежность. Такое изменение слова, однако, задевает его внутреннюю морфологическую структуру, так или иначе предполагает какие-то изменения, связанные с морфологическими категориями данного слова.

Конверсия не является чем-то абсолютным и неограниченным. Она задана языком как возможность, но конкретная реализация зависит от ряда условий. Конверсия не может совершаться случайно и в отношении любого произвольно взятого слова. Она зависит в значительной мере от семантических особенностей слова. Должна быть помимо всего соответствующая семантическая «предрасположенность» к переходу.

Конверсия, как и всякое другое изменение в языке, представляет собой постепенное накопление элементов нового качества. Этим и нужно объяснить наличие в языке промежуточных форм, свидетельствующих о разных ступенях перехода.

В сфере знаменательных частей речи конверсия в русском языке представлена субстантивацией, адъективацией, адвербиализацией, прономинализацией.

Морфологическая перестройка при субстантивации выражается в заметных ограничениях в категориальных формах имени, в формах рода и числа. В результате конверсии возникли плуральные формы, напр., *чаевые, командировочные, суточные, отпускные, подъемные*, формы, не соотносительные по роду, только женского рода, напр., *блинная, пирожковая, хашная, шашлычная* или только мужского рода *горновой, ламповой*, только среднего — *новое, прекрасное*. Причина

этих ограничений в характере родового выражения, в фиксированном, абсолютном роде существительных.

Адъективация причастий— один из самых активных переходов в системе частей речи. Обладая изначальной «гибридностью»— скрещением свойств имени и глагола, причастие сравнительно легко транспонируется в прилагательное. Это может происходить при нарушении равновесия, установившегося при скрещении указанных свойств. Совместно действие и признак по семантике; вид, время, залог и род, число, падеж— по морфологическому, категориальному оформлению; управление и согласование— по синтаксическим связям и функционированию. При малейшем ослаблении глагольных свойства начинают перевешивать свойства именные. В результате—окачествование. И при адъективации различны ступени перехода, соответствующие разной длительности перехода.

Другие проявления адъективации, напр., адъективация числительных (*первый, второй, третий*), местоимений (*всякий*) единичны, а главное— стабильны.

Сильнее всего конверсия сказалась на судьбе наречий. Наличие в грамматической семантике падежных форм различных обстоятельственных значений позволяет им функционировать в качестве обстоятельств. Частота такого функционирования ведет к изоляции данной падежной формы от остальных, выводит ее из парадигмы данного склоняющегося имени. Падежная флексия выступает уже как словообразовательный формант в новом, омонимичном наречном слове. Здесь, как по существу и во всех случаях перехода, начало перехода связано с изменением характера синтаксического функционирования. Но без семантического основания такая смена функции была бы невозможна. В наречиях времени естественнее обращаются имена с семантикой времени, значение сравнения в форме творительного падежа имени легче обнаруживается у слов, семантически допускающих сравнение. И пусть это слова не однородной семантики (*рысью, авансом*), но для каждой данной ситуации сравнения их семантика оказывается наиболее благоприятствующей. В разных национальных условиях сами реалии сравнения могут быть иными, но общая картина возможного перехода будет принципиально той же. Таким образом, конверсия будет осуществляться по схеме: *семантика— синтаксис— морфология*. В первую очередь соответствующее семантическое основание, отсюда возможность определенного синтаксического функционирования и как результат—морфологическая, частеречная перестройка слова со всеми возможными морфологическими преобразованиями.

Прономинализация существительных (ср. *дело, вещь, человек, брат*) стоит несколько в стороне от остальных типов конверсии с точки зрения направления сдвига. Выступая как заменитель имени или как наиболее обобщенное имя, местоимение функционирует синтаксически как имя. Как бы опуская среднее звено, при прономинализации семантика непосредственно связывается с морфологией. В про-

номинализирующемся существительном семантика конкретного имени (*человек, брат*) выхолащивается, новая местоименная семантика имеет обобщенный, отвлеченный, общеуказательный характер (вообще *каждый*). Новая семантика логически связывается с идеей зингулятивности. Отсюда отсутствие формы множественного числа. Аналогично, но с соответствующими поправками на неодушевленность, обстоит дело с прономинализацией существительных *дело, вещь*. Семантически переход был подготовлен слишком широким понятийным содержанием слов. Вся морфологическая ущербность их при переходе производна непосредственно от семантики (*каждый, нечто*).

При конверсии знаменательных слов в служебные, первые, формализуясь и опустошаясь лексически, все же не становятся абсолютно пустыми семантически. При таком переходе слово слишком грамматикализовано, формально, чтоб быть знаменательным и, с другой стороны, оно слишком содержательно, лексично, чтобы стать в один ряд со служебными словами первичного образования.

Конверсия в армянском языке осуществляется в целом в тех же направлениях, что и в русском. Основные переходы связаны с теми же частями речи. В армянской грамматической литературе нет специального указания на прономинализацию, хотя, как явствует из фактического словоупотребления, такой переход имеет место.

Причину конверсии грамматисты видят также в смене синтаксической функции: «Բառերի խորամասն լին անցումները տեղի են ունենում նրանց շարահյուսական կիրառության հիմքի վրա»³.

У армянских грамматистов четче высказана мысль о необратимости процесса частеречной конверсии, переходы, действительно, односторонне направлены, они происходят только в одном направлении: «Այնպես նկատվում է, որինակ, դերբայների փոխանցում դոպականների կամ ածականների, բայց չի նկատվում հակառակ երևույթը»⁴.

Принципиально одинаковая картина переходов и их основных направлений указывает на то, что эти частеречные переходы представляют собой универсальное, системное и типологическое явление, что они связаны во многих языках с тем же логически общим движением мысли, общим восприятием категорий качественности и количественности, соотношения признака и предмета как суммы признаков, связаны с законами равновесия в системе, со способностью к обобщению, типизации, к расширению понятия. Общие по своему логико-философскому характеру, эти объективные процессы находят свое более или менее однородное преломление в концепциях разных языков и, в первую очередь, в самих языковых системах. В связи с исследованием конверсии в армянском языке в литературе делается попытка подтвердить и аргументировать принцип односторонности конверсии фоно-морфологическими и словообразовательными характеристиками слов.

³ Ե. Առաքելյան, Ժամանակակից լայն լեզվի ձևաբանության հարցեր, Երևան, 1970, էջ 92.

⁴ Там же.

Специальное выделение в субстантивированных прилагательных армянского языка слов простых, производных и сложных позволяет уловить определенные закономерности в этом отношении. Так, в связи с переходностью в простых словах типа *աղիւտ*, *խենք*, *խուլ*, *ծանր*, *ուրիշ*, *հիվանդ*, *օտաշ* и др. говорится о затруднительности уточнения направления переходности. Какой это переход—прилагательного в существительное или существительного в прилагательное, следует конкретно решать в каждом отдельном случае, хотя общей тенденцией продолжает оставаться переход прилагательного в существительное. Сопоставительное рассмотрение слов этого списка проясняет многие из переходов под углом зрения сказанного. Не должно быть сомнения, что в тех случаях, когда в соответствующем факте русского языка подтвержденный морфологическим обликом, словообразовательной моделью слова наличествует переход из прилагательного в существительное, то и в армянском направление перехода такое же, ср. *խուլ*, *ծանր*, *հիվանդ*, *կաշ*, *ծեր*, *երիտասարդ* и др. и их соответствия в русском (глухой, знакомый и т. д.), где первичность прилагательного доказывается всей парадигмой изменения слова. В остальных же случаях вопрос должен решаться конкретно, хотя, впрочем, передача армянских слов не субстантивированными формами русского прилагательного, а «классическими» существительными может быть доказательством, но уже обратного—первичности существительного, ср. *բարբարի*—*варвар*. В производных словах вопрос решается легче, т. к. производность в них связана с наличием суффиксов прилагательных: ср. *ազգայնական*, *առաջադիմական*, *առնորական*, *դպրոցական*, *գինեորական*, *բանկային*, *կրկաթուղային* или *չբաժոր*, *գիրաժոր*.

В сложных словах все зависит от характера соотносимого словосочетания, иначе от того, что называют внутренним синтаксисом. Ср. *հանցագործ*, *շատախոս*, *պարզամիտ* и др. Одни из них имеют соответствие, выраженное русским существительным, другие—прилагательным.

Проявляя много общего с русским языком черт в характере частеречной переходности и в сферах, где она совершается, армянский язык очень резко отделяет частеречную переходность—конверсию (*խորհրմասային անցում*) от окказиональной переходности (*փոխանունություն*). В русской грамматической традиции окказиональная переходность рассматривается в плоскости меры переходности, как самый «свежий» переход, осуществляемый лишь в данных контекстуальных условиях. Нам представляется более правомочным предложенное армянскими грамматистами решение. Действительно, дело не в мере переходности. При окказиональной переходности (*փոխանունություն*) мы имеем дело с нефиксированной, как бы неязыковой переходностью, с чисто контекстуальным, речевым явлением. В этом основное отличие окказиональной переходности от «классических» частеречных переходов, а не в мере переходности.

Принципиально общим здесь является тот факт, что окказиональная переходность представлена исключительно явлением субстантивации. В армянском языке эта контекстуальная субстантивация не имеет ограничений, она превращает в субстантивы не только исходные формы слов, но и косвенные: ср. форму отложительного падежа — *սկից, վատերից* или форму родительного падежа — *համալսարանինը, հարևանինը* с прибавлением соответствующих артиклей (*ն* и *ը*). О грамматической сути последних форм сказано: «*Փոխանուն սեռականի քերականական էությունն այն է, ...որ մի բառով կարող են արտահայտվել հատկացությունը: Հատկացում կապակցությունները*»⁵. И это не только у существительных, но и у других именных форм: ср., *կրկնորդինը, իմը*. Превратившись в исходную форму, они подвергаются двойному склонению — *ուսանողինը, ուսանողինի -ից, -ով*, приобретают способность к образованию формы множественного числа. Таким образом, контекстуальная субстантивация армянского языка не имеет ограничений не только со стороны сферы частей речи, но и со стороны их грамматических форм.

Если русская субстантивация (как, впрочем, конверсия в целом) остается преимущественно синтаксическим преобразованием, то в армянском языке переходы имеют более прямой выход в морфологию. Не имея, в отличие от соответствующих русских форм, парадигматических изменений по числу и падежу, став субстантивами, указанные армянские формы уподобляются существительному и морфологически.

Видя в конверсивах существование принципиально разных типов переходности, а не только количественную меру переходности, С. Абрамян различает *իմաստային-ֆունկցիոնալ փոխանունություն և անվանողական-ֆունկցիոնալ փոխանունություն*:

Конверсия прилагательное — существительное в армянском представлена в двух направлениях, прямом и обратном, и если при прямом переходе новая синтаксическая функция подтверждается морфологически (ср. *մեծը, մեծից, մեծերը*), то при обратном переходе конверсия завершается на уровне нового синтаксического функционирования: «*Երբ գոյականները գործածվում են որոշի կամ ստորոգելիական վերադրի պաշտոններով, հաճախ նրանք կորցնում են իրենց առարկայական նշանակությունը և արտահայտում են հատկանիշի զաղափար*», ср. *աղվես մարդ, նա աղվես է*.

Атрибутивная функция существительных в русском языке в данном виде исключается, что же касается предикативной функции, обычной и для русского языка, то она имеет отношение не к частеречной конверсии, а к типам лексических значений слов (синтаксически ограниченное значение). Таким образом, лингвистическое прочтение объективно тех же фактов может быть различным.

⁵ Там же, с. 99.

⁶ Ս. Աբրահամյան, Ժամանակակից հայերենի քերականություն, Երևան, 1969, էջ 92.

⁷ Там же.

По продуктивности в армянском языке, пожалуй, на первом месте причастные переходы. Широко разветвленная система армянского причастия активно участвует в пополнении класса существительных и прилагательных, и в отличие от русских причастий она дает более полные, древние переходы, особые продуктивные словообразовательные модели для построения существительных и прилагательных, не восходящих к причастиям. Активны в этом отношении древнеармянские *ապառի դերբայ*, *ենթադաշական դերբայ*, *անցյալ դերբայ* (ср. *զարմանալի, զգալի, ուսանելի, գովելի, զարհուրելի, սիրելի, բնդունելի*); *Ապառի դերբայ*—по этой модели построенные чистые существительные *ածելի, բանալի, հայելի* или *կիզիչ, համոզիչ, բուժիչ* (*ենթադաշական դերբայ*) и, с другой стороны—*ուսուցիչ, մատնիչ, փրկիչ* или *հանգուցյալ, բանտարկյալ, մեղադրյալ*, или в совр. армянском причастия с суффиксом *ած*, ср. *նշանած, հասած, փաած* или с суффиксом *ող*—*ծնող, գրող, ուսանող, բնբերող*. Важно отметить, что совпадая в языках во многом в общем характере и направлении конверсии, конкретные случаи конверсии могут не дать совпадений. Ср., с одной стороны совпадающие причастные переходы— *любимый, обвиняемый*, с другой— не совпадающие субстантивные—*учитель, предатель, спаситель* и их причастные соответствия.

Национальное своеобразие в фактах конверсии имеет, по всей вероятности, причины не только внутриязыковые, но и исторические, этнографические, т. е. экстралингвистические. В этом плане показательны и совпадающее, общее, универсальное.

С точки зрения частеречной конверсии примечательны вторичного образования предлоги русского и армянского языков. Эти предлоги, восходящие к падежным и падежно-предложным формам имени, дают много межъязыковых совпадений. Ср. в совр. арм. языке *կողմից, նպատակով, պատճառով* или формы грабара *նկատմամբ, հանուն, հանձին*. Указанные совпадения касаются совпадающих падежных значений, падежные же формы могут быть как совпадающими (ср. *կողմից*—*со стороны*, *նպատակով*—*с целью*), так и не совпадающими (ср. *նկատմամբ*—*по отношению к*).

При исследовании конверсивов в сопоставительном плане важен и семантический аспект. В качестве непосредственного объекта можно рассмотреть лексико-семантические группировки субстантивированных прилагательных. Охватывая сферу как одушевленных, так и неодушевленных предметов, эти слова представлены в большом числе четко выделяемых семантических классов: *названия лиц* по профессии, званию, роду занятий, приверженности; по физическому и психическому складу, состоянию; по родственным связям, по обрядовым процессам, наименования животных по виду, масти; по родовому классу; названия конкретных предметов— документов, официальных бумаг; помещения, учреждения; денежные суммы по характеру и основанию выплаты; блюда, напитки; пляски, хороводы; названия *отвлеченных понятий*— отрезки времени, обобщенные понятия.

Филологический интерес представляют формы передачи армянских соответствий, их конкретные лексикологические, лексикографические и грамматические типы, зависящие от специфики грамматической системы сопоставляемых языков, от типа самой реалии и ряда других причин. «Идеальное» соответствие в формах передачи субстантивированных прилагательных — явление крайне редкое. Ср. *учительская, чайная, прачечная, мастерская, крестная, мороженое* и их армянские соответствия в виде суффигированных и сложных существительных соответственно: *ուսուցչանոց, թելարան, լվացքատուն, արհեստանոց, կնքամայր, ցաղապարհ*:

Сопоставительный анализ конверсии в русском и армянском языках имеет еще один интересный поворот. Речь идет о некоторых количественных характеристиках, связанных с переходными явлениями. Считая доказанной универсальность некоторых типов перехода или конкретных его видов, мы убеждаемся в неполном совпадении количественных характеристик. Так, функционирование слова *один*, примечательное в русском языке с точки зрения его многообразия, различий в характере и мере переходности в системе частей речи, в армянском языке имеет другой вид.

В современном русском языке слово *один* функционирует как числительное, наречие, частица, местоимение — указательное и неопределенное. В армянском языке мы имеем совпадение с русским в обоих случаях местоименного употребления и в нумеративном употреблении. Во всех же остальных случаях армянский язык имеет различные суффиксальные образования (ср. *մենակ, միայնակ, միայն*).

Анализ конверсивов в русском и армянском языках задача очень трудоемкая, требующая больших усилий как в плоскости теоретических обоснований сопоставительно-типологического характера, так и в плоскости практических приемов сопоставления. Главной целью в данном случае было обнаружение и уточнение моментов межъязыковых совпадений и несовпадений, что составляет, собственно, основу всякого сопоставительного исследования. Уяснению того, что было универсально и межнационально и что специфично, национально в исследуемом объекте, и была посвящена данная работа, и этим определялись направление поисков и исследовательская методика.

ԿՈՆՎԵՐՍԻՎՆԵՐԸ ԹՈՒՍԵՐԵՆ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆ ԼԵՃՈՒՆԵՐՈՒՄ

ՀՐԱՆՈՒՇ ՄԱՐԿԱՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Խոսքիմասային փոխանցումները բառակազմության եղանակներից են: Այդ սրտցեսի էությունն այն է, որ բառը, պահպանելով արտաքին ձևաբանական հատկանիշները, շարահյուսական ֆունկցիաների փոփոխման շնորհիվ կորցնում է իր նախկին խոսքիմասային պատկանելիությունը: Դա վերափո-

խում է բառի ներքին ձևաբանական կառուցվածքը և համապատասխանաբար՝ նրա ձևաբանական կատեգորիաները:

Այդ փոխանցումները զգալի չափով կախված են բառի իմաստային առանձնահատկություններից:

Հայերենում կոնվերսիան իրագործվում է նույն ուղղություններով, ինչ որ ռուսերենում: Հիմնական փոխանցումները կապված են նույն խոսքի մասերի հետ, ինչը վկայում է նշված երևույթի տիպաբանական բնույթը: Կոնվերսիայի փաստերում ազգային յուրօրինակությունը ունի ոչ միայն ներլեզվական, այլև պատմական, էթնոգրաֆիական, այսինքն՝ արտալեզվական պատճառներ: